

Между тѣмъ Діодоръ, оставшись съ Леночкой вдвоемъ, поставилъ свѣчи на столъ, придвинулъ его ближе къ дивану и позвалъ Леночку къ себѣ поближе.

— Ну, поди ко мнѣ, Ленокъ, еще разъ здравствуй!—мягко заговорилъ онъ. — Садись ко мнѣ на колѣни, помнишь, какъ бывало? Вотъ такъ... теперь поговоримъ. Рассказывай, что тутъ у васъ безъ меня было. Что баушка-Өедосья? Какъ поживаетъ почтеннѣйшая сестрица Прасковья Петровна? Все, все рассказывай...

Говоря это, онъ нѣжно проводилъ рукою по Леночкиной головѣ. Но Леночка вдругъ вся вспыхнула, тихонько освободилась изъ дядиныхъ объятій и отошла въ сторону. Діодоръ обратился на это мало вниманія и продолжалъ:

— А Володька? Слышалъ, слышалъ я про него... По хорошей торной дорожкѣ пошелъ.—Онъ засмѣялся жесткимъ смѣхомъ и отпилъ изъ стакана, стоявшаго передъ нимъ.

— Да, Лена, Володька твой не пропадетъ, не собьется съ пути, какъ мы, грѣшные. Такимъ и ворота настежъ открыты, и всѣ книги въ руки. Они—пшеница, а мы—плевелы... Что же, конечно... а все-таки горько, обидно... Ну, мы ошибались, заблуждались, мы не поняли,—но за что же такъ жестоко, безжалостно?... Выбросили, растоптали ногами, переломили пополамъ всю жизнь... отъ всего отстранили... А вѣдь, можетъ быть, и мы бы на что-нибудь пригодились... Впрочемъ, что объ этомъ?—перебилъ самъ себя Діодоръ, обращаясь къ Леночкѣ.—И то сказать: „ежели всѣ сочинять будутъ, то кто же переписывать-то станетъ?“, какъ говорилъ Макаръ Дѣвушкинъ у Достоевскаго. Надо же кому-нибудь идти за колесницей триумфатора... Леночка, ты, мой голубчикъ, можетъ быть, не поймешь меня? Но нѣтъ, поймешь, я въ этомъ увѣренъ... Я знаю, какая у тебя головка и какое хорошее, сочувственное сердечко... У меня во всемъ мірѣ нѣтъ другого такого друга и товарища, какъ ты; вотъ почему я съ тобой такъ и говорю. Я и пришелъ къ тебѣ затѣмъ, чтобы отвести свою душу. Ты, можетъ быть, думала, что я забылъ тебя, не думалъ о тебѣ? О, какъ еще думалъ и тосковалъ по временамъ... Въ минуты обидъ, въ минуты жестокихъ разочарованій и невыплаканныхъ душевныхъ слезъ, раздиравшихъ мое сердце, я помнилъ тебя и летѣлъ къ тебѣ мысленно, Лена! Знать, что тамъ, гдѣ-то далеко, за синимъ Карамышемъ, въ дремучей Тюрмѣ, есть маленькое любящее сердечко, сочувствующее тебѣ... Это меня утѣшало, воскрешало мои упавшія силы. Я ободрялся, я чувствовалъ, что не одинъ, и начиналъ вѣрить въ себя, въ свой талантъ и свое